

ДРУГАЯ СРЕДА

Адаптированный материал для дискуссии на семинаре методического объединения классных руководителей

Подготовил:
Зам. директора по УВР
Томилин Ю.Л.

Другая среда именно потому что - другая. Люди там живут не так, руководствуются иным и говорят о другом и другими словами. Попавший в другую среду даже при хороших способностях к адаптации говорит не просто как не свой, но как носитель другого языка и отчасти - другого сознания.

Возраст - один из определителей. Произвольные наборы сверстников будут отличаться между собой, поскольку работают в разных областях и общаются с разными группами населения, но возраст - это тренд. Тенденция. Пятнадцатилетние, за исключением отможенных, будут находиться в условиях школы или техникума. Семидесятилетние преимущественно будут на пенсии и проводить время среди пенсионеров в соответствующих местах.

Возраст - багаж знаний, впечатанных в разум. Мозг подростка высокоадаптивен и легко изменчив. Он, как ничто другое, умеет подстраиваться под среду. Однако из-за изменчивости он нестабилен. Мозг взрослого не меняется сильно и быстро, вместо этого всё тоньше и тоньше настраивается, замечая и различая детали, какие мозг подростка не способен обнаружить и различить - он пока занят гораздо более масштабными вещами.

Неверно думать, будто только подросток будет чужим среди взрослых, нет, взрослый - ровно такой же чужой среди подростков. Один на один с ребёнком взрослый - однозначный авторитет. В группе подростков - уже нет.

Группа, несмотря на нестабильность мозга и отсутствие опыта, знает про себя больше, чем зашедший в неё снаружи. Когда один на один, среднее по знаниям и авторитетам - на стороне взрослого. В группе это среднее - в самой группе и внутри неё. Взрослый настолько от этого среднего далёк, что группа, в лучшем случае, молча его выслушает, не принимая сказанное к сведению, поскольку оно не про них и не для них.

Характерная для техникума деятельность - выполнение заданий под контролем непререкаемого авторитета. Кроме своей группы, подросток везде видит одни «непререкаемые» авторитеты. Ему редко разъясняют зачем, ему приказывают. Приказывают что-то сделать, поскольку «надо» и всё тут. «Потом поймёшь». Подросток не видел и не знает альтернатив, для него такой подход вполне нормален. Однако по мере взросления набирается опыт и становится понятно, что многие из непререкаемых авторитетов сами ничего не понимают и не знают.

Пока слабое умение различать детали побуждает подростка сделать вывод: они все - дутые авторитеты. Но сила на их стороне, подросток не в состоянии физически отобрать власть у взрослых, и делает это психологически. Дутость авторитетов, их обманная суть снимает внутренний запрет на ложь, поэтому подросток, не стесняясь, начинает играть на тех струнах, которые хорошо звучали ещё в раннем детстве: ныть и жаловаться. Только теперь это редко по-настоящему. Зачастую это имитируется ради получения каких-то бонусов от глупых, но сильных взрослых.

Внутри своей группы такое не работает, поскольку там на такой струне играет каждый. С ним тоже не работает - он сам пользуется тем же. В группе не любят нытиков, ведь нытики пытаются получить лично себе преференции желательные всем её членам. В группе подростку нужна стойкость и демонстративный цинизм. Это тяжело проявлять в мире взрослых, значит, местом применения остаётся только свой подростковый круг.

Одновременно существующее в мире взрослых и переносится в группу детей, и там же оно отвергается. Схемы взрослых взаимоотношений, неявно подразумеваемое, не особо понятное кажется неким законом природы, поэтому оно машинально копируется. Но вербализуемое, формулируемое, - особенно в адрес подростков, - считается актом диверсии внешнего мира. Этому необходимо вынужденно следовать, когда внешний мир где-то рядом. Но среди своих следует делать вид, что это неважно, что ты над этим посмеиваешься, не пытаешься изменить потому, что «не любишь конфликты».

Каждый подросток в какой-то момент начинает строить из себя мудрого дзен-буддиста, который «наблюдает за всей этой суетой». Реальные проблемы, конечно, могут довести до слёз, непонятно, как действовать в каждом столкновении с внешним миром, но самоуважение и закон группы требует делать вид, что тебе это всё по барабану. Ты «не желаешь прогнуться под систему».

Эти великие цели - альфа и омега подростковой группы. В ней, как и у взрослых, есть своя иерархия, только в более прямолинейном и жестоком виде, в ней есть свой язык, свои неписанные правила и так далее, но по отсутствию опыта они кажутся законами природы. Их не видно. Их никто не придумал и не озвучил. Они - как закон всемирного тяготения. «Взрослые» же правила, очевидно, придуманы. Их, без сомнения, навязывают. Для «своих» - групповых - правил присутствует иллюзия следования им добровольно.

Свои правила - естественны, взрослые – искусственно сотворены человеком и приняты всеми «как стадом баранов». Своим правилам следуешь, поскольку как же можно им не следовать? А вот взрослые следуют своим правилам через силу - ведь и подростков заставляют им следовать через силу.

Язык взрослых смешон. Он навязан и несвободен. Взрослые требуют от тебя знать про какого-то там Чудика Эдакого, читать книжки Додика Такогого, которые тебе нафиг не упали. Зато ты можешь над взрослыми посмеяться, поскольку они не знают, кто такой «анонимус». Жесть!

Чтобы быть нонконформистом, ты должен одеваться как нонконформист, слушать ту же музыку, что нонконформисты... «Такие как все» читают Пушкина. А вот «не-такие-как-все» читают Икса, на крайняк - Игрека.

Ввиду неумения захотеть, а, тем более, сделать что-то новое, все силы уходят на отвергание старого. В педалировании идеи «есть много объяснений и все они равноценные» видится альтернативность мышления. За этой идеей маячит свобода мнения, успешно маскирующая тоталитарность собственной группы.

Группа контролирует каждый вздох, каждое слово и, в конечном счёте, даже каждую мысль, однако главное - не допустить в свою голову и, тем более, выдать из собственных уст какое-то устоявшееся мнение взрослого мира. Мораль и нравственность - тоталитарны.

Следование идеалам и желание сделать мир лучше - наивны (упрек в наивности - следствие подсознательного стремления перестать быть ребёнком). В группе имеются аналоги всего этого, но они никак не называются, поэтому не тоталитарны и не наивны. На самом-то деле они гораздо более примитивны и прямолинейны. Однако их незаметность по причине неразвитой наблюдательности создаёт иллюзию отсутствия.

Вынужденный раз за разом выполнять упражнения и делать что-то, потому что «так надо», не имеет возможности выстроить для себя иную систему. Внутри группы он так же выполняет упражнения и делает «как надо». Но оно всё «не так как снаружи». Внутри никто не сказал, что так надо, внутри - так заведено. Внутри - незаметно.

Человек вырвался из этой среды, начав работать. Производя материальные ценности, изобретая, творя, он от упражнений переходит к практическому применению ранее наработанного, завершая цикл обучения и начиная понимать то, чего он должен был «понять потом». Из ученика он переходит в состояние творца мира. Он ежедневно видит, как его трудом, его стараниями ранее несуществовавшее становится материальным. Вот

трактор, который я собрал, вот физический закон, который я вывел. Вот вершина, которую я покорил.

Само собой, начальники, директора, чиновники при этом присутствовали. Они приказывали, как и школьные учителя, они выдвигали абсурдные, а иногда даже аморальные требования. Но с позиции творца мира, протест шёл не из желания протестовать, а из желания восстановить справедливость. Творцы мира формально на равных, а фактически не равны - это повод для драки.

Когда ты можешь что-то материализовать и оно работает, ты не упражняешься, ты создаёшь. Как раз к этому моменту изменения мозга фиксируются и переходят в стадию уточнения. Улучшения навыков по изменению мира. Условий, в которых ты живёшь.

В школьные годы «учитель» заставляет тебя делать упражнения, но и выдаёт всё для этого необходимое. Твои упражнения с этим никак не связаны. Как максимум, ты можешь протереть пыль в квартире, и поддержать созданное в хорошем состоянии.

В производстве нового (как материального, так и интеллектуального) существование вещей в этом мире - и твоя заслуга тоже. Ты сделал трактор и он есть, им пользуются. Это новый трактор, ну или новый его экземпляр. Ты открыл физический закон и мир поменялся. В мире, где ты не домашнее животное, которое любят, кормят и дрессируют, а полноценный строитель мира, лучше понятно, откуда взялись все эти «взрослые» термины, идеалы и мораль.

Постиндустриальное общество подложило мину замедленного действия само под себя. Огромное количество людей просто перестали когда-либо выходить из школы. Что с неизбежностью привело к консервации детских групп. В пределе - до бесконечности. От рождения до смерти.

Постиндустриализм, который мы наблюдаем, радикально отличается от того, о котором мечталось. Фантасты рисовали общество будущего, где рост производительности труда высвобождал всех и каждого из материального производства.

Полагалось, что люди, получив освобождение, перейдут в сферу науки, изобретательства и творчества. Человек продолжит менять мир, но уже не напрямую, - производя тракторы, - а косвенно: проектируя ту технику, которая сама будет производить «тракторы» в автоматическом режиме. Человек не сядет за руль трактора, но запрограммирует этот трактор. Человек оставит себе наиболее интересные и развивающие виды деятельности, но отдаст машинам монотонный физический труд.

Увы, сложилось всё не так. Человек отдал труд другим человекам, а сам начал заниматься чем-то напоминающим школьные упражнения под присмотром учителя.

Современный постиндустриализм - это общество, в котором высвобожденные из материального производства граждане пошли не в сферу науки и искусства, но преимущественно в сферу перераспределения произведённого другими.

Офисный сотрудник не видит напрямую результатов своего труда. Он не собрал трактор, и не вывел физический закон. Он весь день названивал в разные места и зачитывал кем-то написанный текст про новые тарифы. Он чинил зависшую программу, написанную кем-то другим, к кому он отношения не имеет. Он готовил презентацию отчёта о развитии фирмы, суть коего развития разработал не он. Он переключал бумажки, написанные не им, в стопку, которая уйдёт к кому-то другому.

Будь такой постиндустриализм состоявшимся в законченном виде, должность этого сотрудника должен был бы занимать робот. Кем-то запрограммированный на исполнение рутинной работы, причём, не связанной непосредственно с производством.

Рабочий, которому даёт приказ бригадир, в свою очередь получивший приказ от директора, на выходе своей деятельности видит собственноручно собранный трактор. Именно эта новая сущность - отчёт о его работе и её реальный результат. Учёный, работающий под руководством начальника отдела, результатом видит новую сущность: формулу. Его собственное творение, сделанное под руководством, но всё-таки им самим.

Офисный сотрудник итогом своей работы видит отчёт о своей работе: столько-то позвонил, столько-то зависших программ развис. Он не сделал новые сущности, в лучшем случае починил старые. В лучшем! В худшем же и наиболее распространённом - он нового не сделал вообще. Он лишь внёс свою лепту в перераспределение существующего, причём, какую, ему слабо понятно самому.

Фактически он не вышел из школы - он перешёл в другую. По-прежнему есть «учитель», который даёт ему упражнение, результатом для ученика является лишь выполнение этих упражнений. Учитель-то может и понимает практическую для себя пользу от выполненного учеником задания, не давая никаких зацепок для осознания результатов. Ученику просто в очередной раз сказали «потом поймёшь». Только уже с намёком «не поймёшь никогда».

Офисный сотрудник не является творцом мира. Он такой же ученик, как и раньше. Есть учитель, дающий ему непонятные задания и карманные деньги, проверяющий исполнение заданий, почти не разъясняя их практического смысла, карающий или вознаграждающий, и ограничивающий сим перечнем все свои с учеником отношения. Карманных денег больше, а задания даже и попроще школьных, но суть отношений всё та же: ты - ученик. Ты не меняешь мир.

Подростковая группа при таком раскладе не распадается. Все понятия той группы переносятся в офисные почти без изменений. Привычки сохраняются. Подходы те же. Тот же взгляд на мир. Мозг навсегда стабилизируется в состоянии ученика - не творца мира.

Офисный мир - это мир вечных подмастерьев.

Малая часть сумеет прорваться в сферы, где мир всё-таки каким-то образом меняется, но ведь в среде физически производящих напрямую меняет мир, пусть даже робко и неумело - каждый. Среди вечных подмастерьев мысль об изменении мира хотя бы в будущем, «когда научусь», уходит в область фантастики. Здесь так заведено: мы - дети, мы не можем ничего изменить. Мир сложен, вдруг мы что-то сломаем? Нас заругают! Да и кто нам даст что-то менять? Там же - взрослые. А мы - дети. Дети навсегда.

Уже нет непосредственности, мозг не занят глобальной перестройкой самого себя, но состояние «я не могу ничего изменить» сохранилось, законсервировалось, вся деятельность мозга сведена лишь к уточнению этой концепции. Он находит всё более точные и всё более детальные доводы в пользу «невозможности изменений».

Предложение сделать что-то осязаемое вызывает оторопь. А его внёсший в этой группе получает репутацию «наивного идеалиста». Он, вот смех-то, до сих пор думает, что мы, дети, можем что-то создать. Не-не-не, мы можем только выполнять задания. А мир меняется где-то в высших сферах.

Наш офисный дзен-буддизм в том и состоит: мы презираем меняющих мир. Этих грязных рабочих. Этих нечистоплотных политиков. Этих яйцеголовых бóтанов. Они все, как взрослые, нам одинаково противны. Они говорят не на нашем языке и, что особенно обидно, навязывают нам свои правила.

Наши же правила (которые, конечно, не правила вовсе - мы ж не замечаем) - это сдержанно так, изящно, посмеиваться в кулак над навязываемым. Нет, мы не любим конфликты, поэтому «при взрослых», конечно, это всё исполняем. Да и произведённое грязными рабочими под руководством нечистоплотных политиков, уввы, вынуждены использовать (мы, дети, - существа возвышенные, поэтому сами такого делать не умеем), но в душе мы не подадим им руки.

Гордость такой группы, её ценности в точности соответствуют оным у подростковых групп. Надо похвастаться новой игрушкой (гаджетом!). Если такая есть у всех, то её надо обязательно заполучить. Новая игрушка выдается за индивидуальность. Бравата: «а я в эту сферу вообще не лезу». Оправдание бездеятельности: «да я ж не умею этого [маленький ещё]». В продвинутых случаях за высшую степень собственных достижений считается прочтение учебника. «Я разобрался», «я прочитал мануал» - падите передо мной на колени, типа. Я скоро получу пятёрку, а на вас, балбесов, наорёт учитель.

При этом, что поразительно, написавший мануал вызывает отторжение, если он из своей среды. И недоуменные вопросы: «а зачем тебе это надо?».

Гордость вызывает не сделанное новое, а якобы понимание старого, сделанного, к тому же, кем-то другим.

Научный работник хочет, чтобы как можно больше людей узнали и пользовались его открытием. Рабочему радость - видеть, как собранный им трактор уходит вспахивать поля. В офисе попытки обучить коллег чему-то более эффективному полагаются беспочвенным хвастовством, «грузом» и «насилием над личностью». Попытки узнать у тебя, как это делается, - это «списывание». «Он, мерзавец, хочет за мой счёт себе пять в журнал заработать». Упражнение, как и в школе, это проверка лично твоих знаний и навыков. Пытающийся их у тебя перенять, «списать» - жулик.

Как и в подростковой группе, следование внешней морали - утопизм. Наивность. Верна только своя мораль, состоящая из незатейливых правил декларируемой вслух житейской мудрости «каждый сам за себя» (на деле ей в таком виде не следуют, с кем-то надо обсуждать собственную возвышенность) и локального набора формальных зацепок на тему, что считать смешным и позорным, а что - «достойным себя» и эстетичным.

Подросток-гот не может появиться среди своих в бабушкином свитере - таким образом, группа «борется за свою свободу одеваться, как им нравится». Свобода состоит в том, что он должен одеваться как гот, а не как ему велит бабушка. Ровно так и в офисной среде расписано, что носить, как улыбаться, о чём и как разговаривать. Негласно и локально - для каждой малой группы своё, но для всех это есть. Если сказать извне участнику этой группы что-то по теме эстетики, этики, морали и так далее, то первой реакцией будет: зачем ты мне навязываешь своё мнение? Свои вкусы? Свои принципы? Эдакая борьба за свободу через тоталитаризм (запрет излагать ему своё мнение) и ради тоталитаризма (навязанному ему со стороны малой группы свода неписаных правил).

Сам он отдыхает, посмеиваясь с товарищами над странными созданиями снаружи: они, приколись, в своей квартире держат ковры, вот клоуны-то, они, поди ж ты, не понимают ценности нашего любимого ТМ-АйАйФоуна, красятся не той косметикой и не так, не ходят в клубы, не читают наш любимый форум. Всё перечисленное - наверняка признаки отсталости и зашоренности, тоталитарности общества извне и его заведомой ущербности.

Собственно, радость выбора, как и в детстве, целиком сводится к одному: к способности заполучить ту игрушку, которая считается модной в данной локальной группе или даже обязательной к обладанию, и к возможности отвертеться от навязываемого родителями свитера (который в данной группе полагается позорным). Дальше всего этого идея о выборе не простирается. Да, мы теперь старшеклассники и на свои карманные деньги покупаем себе то, что нравится не нашим родителям, а нашей малой группе. Жизнь удалась.